

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С.Г. УШКИН

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье представлен обзор основных теорий социологии социальных сетей, начиная с раннего периода развития дисциплины и заканчивая современными подходами. Основные цели автора — попытаться подвести конкретные теоретические итоги и очертить перспективы развития сетевого анализа.

Ключевые слова: социология социальных сетей, социальные сети, сетевой анализ, социальная структура, социальные связи.

Введение

Понятие «социальные сети» рассматривалось в русле различных социологических парадигм и теоретических направлений — структурного функционализма (Т. Парсонс, Б.К. Малиновский и др.), символического интеракционизма (Я.Л. Морено, К. Левин и др.), теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау и др.), теорий информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс и др.) и многих других. В изучении феномена значительную роль сыграли социальная антропология (К. Леви-Строс, А. Радклифф-Браун и др.), психология (Ф. Хайдер, А. Бэйвалас и др.) и математика (А. Рапорт, Р. Соломонов и др.).

Так или иначе, каждый из представленных теоретических конструкторов дал новый импульс развитию сетевого анализа, акцентируя

Ушкин Сергей Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела социально-экономических процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», аспирант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Адрес: 430005, Республика Мордовия, Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а. **Телефон:** 8 (927) 184-96-00.

Электронная почта: ushkinsergey@gmail.com

свое внимание на структурных особенностях социума (структурный функционализм, социальная антропология, математическая теория графов), особенностях взаимодействия внутри сетей (символический интеракционизм, теории социального обмена, психология) или детерминирующих сетевую морфологию общества признаках (теории информационного общества). В статье мы попытаемся более подробно рассмотреть взаимосвязь представленных концепций с сетевыми теориями.

Социологические основания возникновения теорий социальных сетей

Первые попытки представить структуру социальных отношений в качестве взаимосвязанных узлов и связей между ними относятся к концу XIX века и принадлежат Э. Дюркгейму и Ф. Теннису. Дюркгейм утверждал, что взаимодействие индивидов образует социальную реальность, где существуют явления (социальные факты), непосредственно не вытекающие из действий индивидов, но, напротив, принуждающие их к определенным поступкам [5, с. 37]. Социальные факты объективны и включают в себя модусы коллективного сознания (идеи, чувства, легенды, верования, традиции) и морфологические конструкторы, обеспечивающие порядок и связь между индивидами (численность и плотность населения, форма жилища, географическое положение и т. д.).

Идеи Тенниса базируются на том, что индивиды внутри социальных групп объединены при помощи личных или прямых социальных связей, а также общих ценностей и убеждений (*Gemeinschaft*) или посредством безличных, формальных и инструментальных связей (*Gesellschaft*) [17]. По его мнению, в обществе существуют различные отношения и объединения людей, являющиеся продуктами человеческой воли.

Выражения индивидуальной воли консолидируются и образуют коллективную волю, порождая социальную структуру.

Важную роль в становлении теории социальных сетей сыграли работы Г. Зиммеля, написанные в начале XX века. В них он рассматривает социальную жизнь сквозь призму социального взаимодействия, подчеркивая реляционный характер социологической науки [15, с. 655]. Зиммель метафорично сравнивает общество с тканью, которая создается из неисчислимого количества взаимодействий. Объектами взаимодействия являются индивиды, социальные группы, а значимыми параметрами коммуникации выступают масштаб и характер возникающих между ними связей.

Непосредственно термин «социальная структура» впервые применил Г. Спенсер в работе «Принципы социологии» [48]. Под социальной структурой он понимал устойчивые связи между социальным

организмом и его частями. Само понятие структуры, по Спенсеру, означает расположение, порядок или совокупность функционально объединенных между собой элементов, связей и зависимостей, которые образуют внутреннюю структуру социума.

Рассмотрение социальной структуры общества стало основополагающей темой в трудах П.А. Сорокина, который предложил схему выделения исходных элементов структуры в зависимости от характера ценностей, которые объединяют отдельные группы общностей. В работе «Система социологии» он сравнил общество с расслаивающимся куском слюды. По его мнению, в социуме может быть много групп и структур, не связанных между собой, в отличие от конкретного слоя, в котором существует взаимное тяготение индивидов [16]. По этой причине единое общество невозможно, существует лишь совокупность конкретных обществ, проживающих на одной территории.

Работы Т. Парсонса, ученика П. Сорокина, во многом подготовили почву для принятия реляционного подхода к социальной структуре. Под последней он понимал «совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами». Такими элементами выступают абстрактные акторы, а значит, сама структура представляет собой набор типовых переменных их взаимоотношений, или систему социальных действий, диктуемых определенными мотивами и ожиданиями акторов [11, с. 319].

Изучению социальной структуры общества посвящена значительная часть работ А. Радклифф-Брауна, который впервые использовал данное понятие в 1914 году, а в 1930-х годах стал активно его развивать. Единицей социальной структуры, по Радклифф-Брауну, выступает личность, а социальные отношения представляют собой не результат случайных контактов индивидов, определяемых социальным процессом [12, с. 18]. Понятие «социальной структуры» у него опирается на взаимодействие индивидов, а организация — на взаимосвязь деятельностей. Исследование социальной структуры как целостного явления может быть эффективным, только если анализируется ее реальное функционирование, социальная активность ее участников.

В трудах Б.К. Малиновского подход к социальной структуре опосредован пониманием культуры. По его мнению, культура является выражением совокупности индивидуальных и коллективных достижений, где каждый обычай, материальный объект, идея и вера выполняют жизненно важные функции [44, с. 85]. В отличие от Радклифф-Брауна, Малиновский в центр своей методологии ставит не систему человеческих взаимодействий, а человека как такового. Функционирование социальной системы базируется на индивидуальных потребностях: если последние будут удовлетворены, будут удовлетворены и потребности общества в целом. Для него чувства и мотивы людей были ключевой информацией для понимания общественных

процессов и явлений: в жизни представителей традиционных культур он видел прообраз отношений, которые составляют скелет социального взаимодействия в современном мире [43, с. 22].

Исследованию надындивидуальных социальных структур посвящена важнейшая часть работ К. Леви-Строса. Он подчеркивает, что социальные структуры функционируют независимо от того, как они осознаются людьми. Причем нормативные установки так же могут отличаться от индивидуальных представлений о них, как физическая реальность отличается от наших чувственных впечатлений и создаваемых нами по поводу нее гипотез [9, с. 125–126]. Конструкт «социальная структура» Леви-Строс рассматривает как описательную модель, которая построена на основе обобщения эмпирических реалий. Социальные отношения существуют в действительности и являются основным материалом для построения моделей, выявляющих социальную структуру.

Отдельного упоминания заслуживает работа Леви-Строса «Элементарная структура родства», в которой исследуются связи между индивидами и анализируются модели родственных отношений, что по смыслу похоже на сетевой анализ [41]. Исследователь приходит к выводу, что в изучении отношений родства социолог оказывается в ситуации, формально схожей с ситуацией фонолога; как и фонемы, термины родства суть смысловые элементы. Смысл возникает, когда они интегрируются в систему. Системы родства, как и фонологические системы, формируются на дорефлексивной стадии развития мышления. Наблюдения в отдаленных друг от друга регионах совершенно разных обществ, форм родства и правил бракосочетания, — отмечает Леви-Строс, — подводят к убеждению, что наблюдаемые феномены проистекают из игры общих, но неявных законов [13, с. 631].

Теории социальных сетей в классическом понимании

Впервые в социологический обиход термин «социальная сеть» был введен в 1954 г. представителем Манчестерской школы социологии Дж. Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе» [25]. В отличие от своих предшественников исследователь стал использовать данный термин не метафорически и интуитивно для обозначения сложных наборов отношений между членами социальных систем, а аналитически, обозначая им образцы связей ограниченных групп (племена, семьи) и социальных категорий (пол, этническая принадлежность) [14].

Сместив вектор рассмотрения социума в сторону человеческих взаимоотношений, Барнс предложил ставшее впоследствии каноническим определение социальной сети как множества точек, соединенных между собой линиями [25, р. 43]. Под точками он понимает как

отдельных людей, так и социальные отношения, линии обозначают природу и особенности их взаимодействия.

В работе Э. Бот «Городские семьи: супружеские роли и социальные сети» впервые на практике применяется сетевой анализ, где за основу взяты брачные отношения. По мнению Бот, если социальная группа выступает единым целым, где каждый ее участник связан общими целями, взаимосвязанными ролями и отличительной субкультурой, то социальная сеть представляет собой менее жесткую структуру [31, р. 347]. В ней могут быть сформированы отдельные признаки социальной группы, однако не все индивиды могут иметь социальные отношения друг с другом.

В каждой семье существуют различия в степени связанности сетей. Под степенью связанности Бот понимает то, в какой степени люди, известные семье, знают друг друга и имеют дружественные отношения между собой [31, р. 348]. Она предлагает использовать термин «рассеянная социальная сеть» для описания сетей с небольшим количеством взаимосвязей между узлами, а термин «тесно связанная социальная сеть» — для сетей, где существует множество подобных взаимосвязей.

Социальная сеть, по мнению Э. Бот, является связующим звеном между семьей и общей социальной средой [31, р. 383]. Переход к сетевым отношениям стал возможен благодаря сложности и изменчивости экономических, профессиональных и других институтов, представляющих собой комплекс внешних сил, по-разному влияющих на семью. Поэтому связанность социальной сети представляет собой функцию, заключающуюся в реакции на эти силы.

Значительный вклад в теорию социальных сетей внес в 30-е годы XX века Я.Л. Морено, который начал осуществлять систематический учет и анализ социального взаимодействия в малых группах. В его работах предпринимается попытка измерить межличностные отношения с целью обнаружить за формальной структурой группы глубинные отношения [46].

В рамках символического интеракционизма Морено предложил исследовать взаимосвязи людей посредством использования визуальных образов, где социальные структуры были показаны как совокупность множества ребер и вершин, по аналогии с математической теорией графов. Он считал, что его метод социометрии призван ликвидировать социальную напряженность и социальные конфликты.

Сущность методологического подхода, предложенного Морено, заключалась в том, что он опрашивал людей, каким образом они строят взаимодействие с другими, обратив внимание на социально-психологические основания поведения. Особое внимание он уделил поиску взаимосвязи между психологическим благополучием и социальной

конфигурацией структуры группы. По его мнению, крупномасштабные социальные явления, такие как экономика и государство, поддерживаются и воспроизводятся в течение длительного времени в формате небольших конфигураций, формируя образцы дружбы, неприязни и иных отношений.

На изучение групповой динамики и организационного развития одним из первых обратил внимание К. Левин. Он предложил использовать анализ полей взаимодействия в группах в качестве основы для выявления факторов, которые оказывают влияние на ситуацию, и поделил эти факторы на способствующие целям группы (помогающие силы) и на блокирующие движение к ним (препятствующие силы) [42].

Социальная группа существует в социальном пространстве, состоит из множества участников, взаимодействующих с окружающей средой. В этом процессе формируются образцы поведения, последние имеют позитивный или негативный характер — в зависимости от восприятия ситуации и опыта участников группы. По мнению Левина, структурные свойства социального пространства могут быть исследованы математически с помощью теории векторов.

Существенным шагом в изучении межличностных отношений внутри социальной структуры стала работа Ф. Хайдера «Психология межличностных отношений» [35]. Он высказал предположение, что индивид в процессе жизнедеятельности пытается найти баланс определяющих ее факторов (отсутствие напряжения), реализовать идеи, избегая внутригрупповых и межгрупповых конфликтов. Эту стратегию осуществляет и окружение индивида, в котором каждый конструирует наименее конфликтную для себя среду.

Социальное восприятие, по Хайдеру, опосредовано физическим восприятием мира и восприятием группы, в которой находится индивид. Положительные и отрицательные качества человека должны быть представлены таким образом, чтобы свести к минимуму амбивалентность при оценках его другими членами группы, соответствовать аффективным представлениям и ожиданиям последних. Сам исследователь обосновывает это следующим образом: «Чтобы представить себе человека, имеющего положительные и отрицательные черты, требуется большее количество усилий: от других это требует разделение представлений о человеке на отдельные составляющие, имеющие отличные друг от друга значения» [35, p. 182].

Впервые попытку рассмотреть социальную структуру с позиций бихевиоризма предпринял А. Бэйвелас, который в 1948 г. основал Лабораторию сетевых групп в Массачусетском технологическом университете. Исследователь предположил, что структурная организация связей между членами группы может оказывать влияние на их производительность и моральное состояние. В работе «Математические

модели для малых групповых структур» Бэйвелас отводит упомянутому фактору центральное место, выделяя формальные и неформальные связи внутри групп [26, p. 29]. В 1951 г. он проводит серию экспериментов для выявления характера коммуникаций в малых группах [27]. Каждая группа состояла из пяти человек, но ее члены не имели прямых контактов друг с другом и могли общаться только письменно. Исследования показали, что в группах существует четыре типа взаимодействий: круговое, линейное, звездообразное и осуществляемое по всем каналам коммуникаций. Уровень согласованности решения поставленных задач был существенно выше в группах с кольцеобразной моделью и в группах, где взаимодействие происходит по всем каналам коммуникации, что свидетельствует о вкладе «горизонтальных» отношений в улучшение социально-психологического климата внутри группы.

Существенно обогатил сетевую теорию один из основоположников теории социального обмена, ученик Бэйвеласа, Дж. Хоманс. В работе «Человеческие группы» (1950) [38] он отмечает, что часть внутригрупповых взаимодействий опосредованы формальной системой, или тем, что он называет «внешней системой»; другие основываются на «чувствах» людей друг к другу или «внутренней системе». Взаимодействие и участие в совместной деятельности, не продиктованное внешней системой, как правило, приводит к положительным эмоциям; они в свою очередь способствуют дальнейшему взаимодействию. Внешняя система, имеющая принудительный характер, напротив, направляет деятельность и взаимодействие участников группы вовне, а не вовнутрь, что способствует ухудшению отношений между участниками.

В своих ранних исследованиях Хоманс отталкивается от понятия «концептуальная схема», заимствованного у Л.Дж. Хендерсона [36]. По Хомансу, концептуальная схема состоит из классификации переменных (или понятий), которые должны быть приняты во внимание при изучении множества явлений. Она дает возможность социологу распределить ментальные структуры по отдельным ячейкам и получить определенное представление об их внутренних связях [39, p. 334]. Хоманс подчеркивает: чем чаще люди взаимодействуют друг с другом, тем больше их симпатии друг к другу и легче общение [38, p. 243]. В дальнейшем для анализа элементарных форм поведения в малых группах он опирается на принципы поведенческой психологии, считая, что его теория обмена способна объединить собственно поведенческую психологию и элементарную экономику [37, p. 29].

Знаковой фигурой в теории социального обмена выступает П. Блау, который попытался представить сущность социальной структуры общества на основе анализа макропроцессов. В отличие от Хоманса, работавшего на поведенческом уровне, Блау решил выйти

за пределы элементарных форм общественной жизни и подойти к анализу сложных структур. По его мнению, «главная социологическая цель изучения процессов межличностного взаимодействия — фундировать понимание развивающихся социальных структур и эмерджентных социальных сил, характеризующих их развитие» [28, р. 13]. В своей концепции социального обмена Блау ограничивается комплексом действий, которые стимулируются положительными реакциями со стороны других и прекращаются, если не следует ожидаемая реакция [6, с. 415]. Социальные ассоциации образуются посредством притяжения индивидов друг к другу, взаимные символические вознаграждения служат действенным механизмом поддержания и укрепления связей. В случае отсутствия взаимных вознаграждений общности теряют устойчивость и распадаются. Согласно Блау, наибольшее влияние на связь индивидов в социальных структурах оказывают ценности и нормы, как индивидуальные, так и групповые. Он пишет: последние «служат как бы посредниками социальной жизни и связующими звеньями социального взаимодействия. Они делают возможным не прямой (косвенный) социальный обмен и управляют процессами социальной интеграции и дифференциации в сложных социальных структурах, а также процессами социальной организации» [28, р. 255].

Социальные сети в теориях информационного общества

Революция в информационных технологиях способствовала возникновению современного информационного (и сетевого) общества (в той же мере, в какой промышленная революция породила капитализм), а использование компьютерных технологий оказало мощнейшее воздействие на всю общественную структуру [22, с. 11]. В рамках концепции информационного общества, предложенной Д. Беллом, история человечества рассматривается в контексте глобального информационного потока. Общество, по его мнению, состоит из трех независимых друг от друга подсистем: социальная структура (определяемая прежде всего технико-экономическим развитием), политическая система и культура. Эти сферы управляются плохо стыкующимися между собой «осевыми принципами»: экономика — установкой на эффективность, политическая система — принципом равенства, культура — принципом самореализации личности.

Знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентом трансформации постиндустриального общества, базисом социальной структуры. Как пишет Д. Белл, «если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, “новыми людьми” оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новой интеллектуальной технологии» [3, с. 463]. Иерархическая структура общества

трансформируется в сетевую, где каждый индивид имеет возможность вмешиваться в процессы управления.

Элвин Тоффлер в работе «Третья волна» (1986) замечает, что «рассредоточение компьютеров по домам, не говоря уж об их объединении в разветвленную сеть, стало следующим шагом в создании пространства интеллектуальной среды» [18, с. 284]. По мнению ученого, в постиндустриальном обществе разделение труда будет носить сетевой характер: работники будущего смогут принимать и отправлять информацию, не выходя из дома, привлекая к работе родственников, в том числе и детей. Таким образом, каждое домохозяйство становится важным сетевым узлом в организации трудовых отношений. По Тоффлеру, определяющую роль в характере коммуникации между людьми станет играть информационная сфера; она будет определять систему норм и ценностей [18, с. 289].

В работах М. Кастельса говорится о том, что новые технологии, связанные с производством информации как нематериального блага, формируют принципиально новое, информационное общество. Возможности информационных технологий приводят к зарождению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир. Информационная эпоха порождает общество, которое является не только глобальным, но еще и сетевым — оно развивается спонтанно, в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей. Производство благ, осуществление власти и создание культурных кодов, считает Кастельс, зависят от технологических возможностей общества. Он подчеркивает, что важную роль в его функционировании и развитии играют электронные сети, являющиеся «динамической, саморасширяющейся формой организации человеческой активности» [7, с. 437]. В условиях реорганизации институционального порядка сами сети должны в скором времени стать социальными институтами.

В последнее время особый интерес социологического сообщества вызывают идеи британского ученого Дж. Урри, который предлагает социологии полностью отказаться от понятия «общества», заменив его понятиями «мобильность», «сети» и «потoki» [20; 21]. В своих работах он формирует принципиально новую повестку дня для социологии как науки, где мобильности, сети и потоки не просто являются собой новую социальную морфологию современного общества, но и модифицируют процессы производства, структуру власти, опыт и культуру [19, с. 203].

Диффузия сетевой логики во многом объясняется ростом коммуникативных технологий, основанных на повсеместном внедрении новых информационных технологий, которые отнимают пальму первенства у иерархических режимов и передают ее компьютеризованным

сетям [20, с. 217]. Вслед за Кастельсом Урри отмечает, что конвергенция социальной эволюции и новых информационных технологий есть первооснова изменения социальной структуры социума.

Современные теории социальных сетей

На настоящий момент анализ социальных сетей является одной из основных парадигм социологической науки, а также ряда других социально-ориентированных наук. Социальные сети выступают в качестве теоретической конструкции, суть которой — в изучении связей между отдельными лицами, группами, организациями и даже целыми сообществами. Некоторые исследователи считают, что развитие сетевого анализа способствует формированию новой области знания [29; 32].

Весомый вклад в развитие теорий социальных сетей внесли работы Х. Уайта, который сегодня считается наиболее влиятельным ученым в данной области [23; 31; 49]. По мнению Уайта, социология концентрируется на типах социальной структуры, основанной на моделях отношений, атрибутов, но не отношений между людьми. Поэтому он предлагает изучать общество как *сеть*, а не как совокупность индивидов.

В работе «Идентичность и контроль» [53] Уайт исследует конструирование социального мира, в том числе жизненного мира личности, как системы паттернов взаимоотношений между людьми. По его мнению, все прошлые модели и атрибуты взаимоотношений сегодня оказываются несостоятельными, так как не способны описать реальную структуру общества. Как пример он приводит концепт лидерства и описанные во множестве книг его атрибуты (наличие харизмы, авторитета, концентрация власти и т. д.). Однако лидерство невозможно представить адекватно без описания других систем, таких как сеть последователей, коммуникативная связь и т. д. Эффективное функционирование организации также невозможно, если люди не уважают и не поддерживают конкретные отношения. Поэтому Уайт избегает присваивать вещам атрибуты, выходящие за рамки форм отношений.

В 1973 году под влиянием идей Уайта М. Грановеттер публикует статью «Сила слабых связей», которая многими известными зарубежными авторами была признана одной из самых влиятельных в социологии работ из когда-либо написанных [24]. В ходе исследования влияния социальных сетей на заполнение трудовых вакансий Грановеттер взял интервью у нескольких десятков людей. Основным результатом проделанной работы было то, что большинство из них получили свои рабочие места при помощи «слабых» знакомых. Это напомнило Грановеттеру школьный урок химии, где иллюстрировалось, как «слабые» водородные связи удерживают огромные молекулы воды вместе, которые сами по себе держатся на «сильных» ковалентных

связях. На основе этого он предположил, что члены общества удерживаются вместе посредством подобных сочетаний сильных и слабых связей.

По мнению Грановеттера, «личный опыт отдельных людей тесно связан с крупномасштабными аспектами социальной структуры, в том числе за пределом компетенций и контроля конкретных лиц» [33, р. 1377]. Социальные сети выступают одним из эффективных каналов распространения информации на уровне человеческих отношений, порождая собственное информационное поле. При этом в маркетинге, информатике или политике слабые социальные связи позволяют достигать желаемых результатов, в отличие от сильных связей. Грановеттер заключает, что взаимосвязь между макро- и микроуровнями выступает основополагающей темой развития социологической теории [33, р. 1378]. По его мнению, такая связь порождает парадоксы: так, если ранее слабые связи осуждались многими исследователями как генеративные отчуждения, то теперь они служат отдельным пользователям в качестве инструмента интеграции в социальную структуру общества; прочные связи, демонстрирующие местное единство, ведут к всеобщей раздробленности.

Первое масштабное исследование связи межличностных отношений с психическими симптомами провел Б. Уэлман В 1968 г. он пришел к выводу о существовании нелокальных дружественных и родственных связей, о том, что характер коммуникаций в сообществе выходит за рамки общин и их изучение возможно только благодаря социальным сетям. Работа Уэлмана «Основной вопрос», в которой излагались результаты исследования, была отмечена в качестве одной из семи наиболее важных статей для английской и канадской социологии [52].

По мнению Уэлмана, «вычислительные сети представляют собой социальные сети» [цит. по: 1, с. 191]. Он считает, что в Интернете контроль над индивидом сведен к минимуму и это привлекает к глобальной сети большое количество людей. Благополучие индивидов не зависит от характеристик данной среды, они освобождены от большого количества обязательств. На ведущие роли выходит сетевой капитал — возможность использования технологических сетей для связи с общественными сетями и получения собственной выгоды. В современном мобильном мире сетевой капитал становится в один ряд с денежным и социальным капиталами.

Вместе с К. Хемптон Уэлман демонстрирует существующую взаимосвязь между online и offline активностью. В своей работе «Соседи в Нетвиле: как Интернет поддерживает коммуникации и социальный капитал в пригороде» они приходят к выводу, что активность в сети Интернет не просто является средством связи на расстоянии, но и способствует развитию межличностной и гражданской активности [34, р. 303].

Наиболее известной современной сетевой теорией является «теория шести рукопожатий» (или «теория шести рубежей отдаления»), впервые сформированная в 1967 г. американским психологом С. Милгрэмом [45]. На основе серии экспериментов Милгрэм и его коллеги пытались выявить среднюю длину пути для социальных сетей в США. Он предположил, что общество представляет собой малый мир, а каждый человек опосредованно знаком с любым другим жителем планеты через цепочку общих знакомых, в среднем состоящую из пяти человек (шести уровней связей).

Огромное влияние на Милгрэма оказали работы А. Рапопорта и Р. Соломонова, которые с позиций теории графов предложили рассмотреть сеть как состоящую из определенного количества узлов и линий, соединяющих их по краям [47, р. 107]. Исследователи анализируют три естественные системы, в которых такие сети могут появиться: нейронные сети; социальные сети; физические контакты, которые несут ответственность за распространение эпидемий, а также в тех случаях, когда проблемы коренятся в генетике. Авторы приходят к выводу, что множество небольших сетей связаны через посредников с другими сетями посредством определенного количества контактов; таким образом, существует возможность посчитать тесноту связи между участниками.

Эксперименты Милгрэма имели несколько вариаций, но общая последовательность действий была следующей. Сначала выбиралась отправная и конечная точка переписки, при этом необходимым условием выступала как географическая, так и социальная их локализация [21]. Затем информационные письма доставлялись случайно отобранным лицам, находящимся в отправной точке; в них содержались основные сведения о целях эксперимента и адресате в конечной точке переписки. В том случае, если человек в отправной точке знал адресата лично, то он должен был оправить ему письмо напрямую (это представляло собой связь первого уровня). Если человек в отправной точке не знал адресата лично, то он должен был направить письмо тому, кто потенциально мог бы его знать (родственники или друзья). Когда письмо достигало адресата, исследователи изучали цепочку контактов, а для недошедших писем выявляли точки разрыва в цепи.

Отправными точками Милгрэма были выбраны два города в США — Омахо, штат Небраска и Вичита, штат Канзас. Конечной точкой выступал Бостон, штат Массачусетс [50]. Из 300 писем до адресатов дошло 60, а число человек, входящих в цепочку от отправителя до получателя, варьировалось от двух до десяти, по медиане — пять. В дальнейшем результаты эмпирической работы Милгрэма неоднократно проверялись; среднее количество взаимосвязей между людьми варьировалось от 4,74 до 7. При этом исследователи подчеркивают, что

расширение коммуникационных возможностей и, как следствие, приращение новых социальных сетей к уже существующим, уменьшает количество звеньев в цепи от одного человека к другому [51, p. 442].

Акторно-сетевая теория как разновидность сетевого анализа

Интересной в методологическом отношении представляется акторно-сетевая теория, разработанная Б. Латуром и Дж. Лоу. Авторы предлагают стереть существующие границы между объектом и субъектом. Они считают, что и люди, и вещи вовлечены в различные сетевые отношения, посредством чего имеют возможность видоизменять и заново структурировать существующую реальность. Так, по мнению Б. Латура, человек является продуктом истории, «выходящей далеко за пределы “фреймов” наших с ним отношений» [8, с. 83]. Он утверждает, что нарисовать структуру взаимодействий человека и окружающих его вещей в рамках фрейма невозможно; с большей долей вероятности исследователь получит спиралевидную сеть с набором дат, мест и людей.

Впрочем, подобное утверждение не является новаторским; задолго до появления акторно-сетевой теории в социогуманитарной сфере русским философом М.М. Бахтиным было предложено рассматривать образ человека в литературе в контексте пространственных и временных отношений (хронотопа) [2]. Подобный анализ позволил исследователю не только более полно раскрыть характеристики героев, но и показать взаимосвязь реального исторического процесса и художественного вымысла; де факто он приходит к выводу, что окружающая реальность формирует литературного героя.

В работе Дж. Лоу «Объекты и пространства» дается предельно краткий ответ на вопрос об объектах социологических исследований; по его мнению, это «производные» некоторых устойчивых множеств, или сетей отношений [10, с. 30]. Литературоведческий анализ Бахтина развивался как раз в подобной традиции; стоит отдать должное Лоу, он не отрицал тесной взаимосвязи акторно-сетевой теории с семиотикой и постструктурализмом.

Анализ любых объектов должен строиться на основании разложения их на части, иначе говоря, социолог должен произвести операционализацию рассматриваемых понятий. Каждая часть объекта оказывает существенное влияние на сам объект; ввиду этого малейшие изменения составляющих преобразуют его. При этом скорость происходящих трансформаций такова, что в акторно-сетевой теории нет ни одного объекта, который был бы постоянным.

Разработчики акторно-сетевой теории обрушиваются с жесткой критикой на современное социологическое знание, которое, по их мнению, на данный момент не справляется с возложенными на него задачами по преобразованию окружающей реальности. Сегодня

социология лишь аккумулирует существующие знания и описательные модели происходящих событий, но не способна выработать систему действий, направленную на улучшение мира, в отличие от предлагаемой акторно-сетевой теории.

Одна из причин недейственности преобразовательной функции социологии многим авторам видится в том, что в современном социологическом знании произошел отказ от материальности объектов; многие исследователи под социальностью стали понимать только психологическую сферу [4]. Усилия акторно-сетевой теории, по мнению ее авторов, должны быть направлены на комплексное рассмотрение объектов в контексте их физического месторасположения, которое структурирует пространство вокруг людей. Например, рабочее место содержит такие объекты, которые побуждают человека к работе, а не к танцам; в библиотеке все структурировано таким образом, что у человека не возникает желания там петь и т. д. В конечном счете окружающие объекты вступают в определенные отношения с человеком; эти отношения оставляют глубокий отпечаток на его деятельности.

Заключение

Таким образом, эволюция взглядов на социальные сети варьировалась от работ в рамках структурного функционализма до релятивизма, при этом инструментально использовались методы как гуманитарных, так и естественных наук. Разные мыслители привлекали различные термины для обозначения одних и тех же явлений, формируя концептуальные истоки рассматриваемой теории.

Усложнение самой структуры социальных отношений в связи с бурным развитием информационных технологий в конце XX – начале XXI веков привело к тому, что возникла необходимость переосмысления существующих концепций. В результате множества исследований, проведенных на рубеже веков, было выявлено, что реальные и виртуальные социальные сети являются собой единое целое, имеющее общие характеристики, механизмы функционирования и развития.

Важным представляется и тот факт, что эти два типа социальных сетей дополняют друг друга, увеличивая количество сильных и слабых социальных связей. Наблюдается эффект «кумулятивной коммуникации», когда количество социальных контактов в реальных и виртуальных социальных сетях имеет тенденцию к постоянному увеличению, что приводит к «сжатию» мира до «глобальной деревни», где каждый индивид отделен друг от друга лишь несколькими уровнями связей.

Принципы общности и взаимодополняемости реальных и виртуальных социальных сетей диктуют использование в их изучении аналогичных методологических подходов, но инструментально ориентированных на активное использование коммуникативного поля и

инструментальных возможностей Интернета. В результате подобных исследований представляется возможным построение эмпирических (прикладных) моделей функционирования социальных сетей, способных дать более широкие представления о существующих в обществе типах социальных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* Мобильные коммуникационные технологии и повседневность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 4. С. 185–192.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Л.-М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.
4. *Вахштайн В.С.* Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
6. История социологии в Западной Европе и США. Учебник для вузов / Под ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА, 2001.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
8. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.
9. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
10. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.
11. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Пер. с англ.; Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2000.
12. *Радклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ. О.Ю. Артёмовой. М.: Восточная литература, 2001.
13. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Ч. 4: От романтизма до наших дней / Пер. с англ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
14. *Сертакова Е.А.* Понятие «сеть» Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений // Молодежь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011.
15. *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; Под ред. С.Б. Крымского. М.: ВЛАДОС, 2003.
16. *Сорокин П.А.* Система социологии / Вступ. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2008.

17. Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии* / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002.
18. Тоффлер Э. *Третья волна* / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
19. Тысячнюк М.С. Мобильная социология Джона Урри // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 4. С. 200–208.
20. Урри Дж. Мобильности // *Мониторинг общественного мнения*. 2012. №5(111). С. 197–252.
21. Урри Дж. *Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия*. М.: ГУ – ВШЭ, 2012.
22. Шпара К.И. *Сетевая структура современного общества: теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. соц. наук*. СПб, 2010.
23. Azarian R. The general sociology of Harrison White // *Stockholm Studies in Social Mechanisms*. 2003. P. 135–140.
24. Barabasi A. *Linked — How everything is connected to everything else and what it means for business, science, and everyday life*. New York: Plume Books, 2003.
25. Barnes J. Class and committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. No. 7. P. 39–58.
26. Bavelas A. A mathematical model for small group structures // *Human Organization*. 1948. No. 7. P. 16–30.
27. Bavelas A. Communication patterns in task oriented groups // *The policy sciences* / D. Lerner, H.D. Lasswell. Palo Alto: Stanford University Press, 1951. P. 193–202.
28. Blau P. Microprocess and macrostructure // *Social exchange theory* / Ed. by K. Cook. Beverly Hills: Sage, 1988. P. 128–160.
29. Borgatti S.P., Mehra A., Brass D.J., Labianca G. Network analysis in the social sciences // *Science*. 2009. No. 323 (5916). P. 892–895.
30. Bott E. Urban families: Conjugal roles and social networks // *Human Relations*. 1955. No. 8. P. 345–383.
31. Breiger R.L. White, Harrison // *Encyclopedia of social theory* / Ed. by G. Ritzer. Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 884–886.
32. Easley D., Kleinberg J. Overview // *Crowds, and markets: Reasoning about a highly connected world*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–20.
33. Granovetter M.S. The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. No. 78. P. 1360–1380.
34. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the internet supports community and social capital in a wired suburb // *City and Community*. 2003. No. 2(4). P. 277–311.
35. Heider F. *The psychology of interpersonal relations*. New York: John Wiley & Sons, 1958.
36. Henderson L.J. *On the social system*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
37. Homans G.C. *Social behaviour: Its elementary forms*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1974.
38. Homans G.C. *The humans group*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1950.

39. *Homans G.C.* The strategy of industrial sociology // *American Journal of Sociology*. 1949. No. 54. P. 330–37.
40. *Kenneth D.A.* Explorations in classical sociological theory: Seeing the social world. London: Sage, 2005.
41. *Levi-Strauss C.* The elementary structures of kinship. Boston: Beacon Press, 1971.
42. *Lewin K.* Defining the «Field at a Given Time» // *Psychological Review*. 1943. No. 50. P. 292–310.
43. *Malinowski B.* Argonauts of the western pacific. London: George Routledge & Song, 1932.
44. *Merton R.K.* Social theory and social structure. New York: Free Press, 1968.
45. *Milgram S.* The small world problem // *Psychology Today*. 1967. No 1(1). P. 60–67.
46. *Moreno J.L.* Who shall survive. Foundations of sociometry, group psychotherapy and sociodrama. London: Beacon House, 1953.
47. *Solomonoff R., Rapoport A.* Connectivity of random nets // *Bulletin of Mathematical Bio-physics*. 1951. Vol. 13. P. 107–117.
48. *Spencer H.* The principles of sociology: In three volumes. (Vol. 1–3). Transaction Publishers, 2002.
49. *Steiny D. H.* White, identity and control. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 609–616.
50. *Travers J., Milgram S.* An experimental study of the small world problem // *Sociometry*. 1969. No. 32(4). P. 425–443.
51. *Watts D., Strogatz S.H.* Collective dynamics of «small-world» networks // *Nature*. 1998. No. 393(6684). P. 440–442.
52. *Wellman B.* The community question: The intimate networks of east Yorkers // *American Journal of Sociology*. 1979. No. 84. P. 1201–1231.
White H.S. Identity and control: How social formations emerge. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.